

О формировании системы национального планирования в России¹

В.М. Полтерович

ЦЭМИ РАН и МШЭ МГУ, Москва

Аннотация

Предлагается различать два «идеальных» типа национального планирования – универсальное и программное. Первое нацелено на ускоренное сбалансированное развитие отраслей и регионов за счет широкомасштабных инвестиционных проектов; оно требует формирования иерархии специализированных институтов планирования. Второе использует относительно небольшое число программ, направленных на решение ключевых народнохозяйственных проблем; эти программы разрабатываются министерствами и ведомствами, осуществляющими также текущее управление. Национальное планирование в развивающихся странах тяготеет к первому типу, а в развитых – ко второму. В России стихийно возникли элементы систем обоих типов. Из них необходимо сформировать смешанную систему, адекватную российскому уровню развития. Ее контуры обсуждаются в работе.

Ключевые слова: *индикативное планирование, бюджетирование, промышленная политика, национальная инновационная система.*

Классификация JEL: O21, L52, O25, P11, P21.

On the Formation of National Planning System in Russia

V. M. Polterovich

Central Economics and Mathematics Institute RAS,

Moscow School of Economics, Lomonosov MSU, Moscow, Russia

Abstract

We propose to distinguish between two “ideal” types of national planning: the universal and the program planning. The first is aimed at accelerating the balanced development of industries and regions through large-scale investment projects; it requires a hierarchy of specialized planning institutions. The second uses a relatively small number of programs aimed at addressing key economic problems. These programs are worked out by the ministries and agencies, which are also engaged in the current management. In developing countries, national planning tends to be the first type, and in the developed ones, it tends to be the second. In Russia, elements of both types of systems have spontaneously arisen. From them, it is necessary to form a mixed system that would be adequate to the Russian level of development. Its contours are discussed in the paper.

Keywords: *indicative planning, budgeting, industrial policy, national innovation system.*

JEL Classification: O21, L52, O25, P11, P21.

¹ Дополненный вариант одноименной статьи, опубликованной в ЖНЭА, №2 (26), 237-242.

1. Введение

То, что происходит с экономикой России после 2008 г., достаточно хорошо объясняется эффектом ловушки среднего дохода (Eichengreen et al., 2013) в сочетании с двумя «отягчающими» обстоятельствами – внешнеполитической конфронтацией и ресурсным проклятием. Речь, конечно, не идет ни о сильной форме гипотезы ресурсного проклятия, согласно которой избыток природных ресурсов замедляет рост, ни даже об эффекте условного проклятия, в силу которого относительно медленный рост наблюдается в экономиках с «плохими» институтами. Скорее, можно говорить о ресурсном проклятии в слабой форме: странам, богатым природными ресурсами, но институционально отсталым, не удается использовать периоды высоких ресурсных цен для модернизации экономики, так что при падении цен они сдают свои позиции. Хотя, насколько известно автору, этот последний феномен изучался лишь применительно к конкретным странам, механизмы, рассматриваемые в теории ресурсного проклятия (см. обсуждение и ссылки в Полтерович, Попов, Тонис, 2007), могут служить его общим объяснением.

Исследуя эти механизмы, мы писали в заключении: «Для обеспечения быстрого экономического роста догоняющая страна должна интенсивно заимствовать знания и технологии и одновременно совершенствовать институты. При решении этих задач

она должна эффективно использовать экстерналии и решать проблему отраслевой координации. Рынок обычно недооценивает экстерналии. Но в случае стран, богатых ресурсами, он подает сигналы, особенно сильно дезориентирующие производителей».

Высокие «мировые цены диктуют международное разделение труда, при котором изобилие ресурсов и относительно дешевая рабочая сила заставляют догоняющую страну делать ставку на ресурсный сектор в ущерб развитию секторов с более сложной технологией, требующих человеческого капитала относительно высокого качества».

«Ограниченность планового горизонта, коренящаяся в низкой экономической культуре и высоких инвестиционных рисках, приводит к негативным последствиям, особенно сильно проявляющимся при падении цен». «Это и есть технологическое «проклятие ресурсов. Для его преодоления необходимы эффективные институты промышленной политики». (Полтерович, Попов, Тонис, 2007, 84-85).

2. Институты промышленной политики

Догоняющее развитие реализуется за счет непрерывного потока крупномасштабных проектов, обеспечивающих экономический рост и постоянное совершенствование технологий. Каждый такой проект должен не только увеличивать ВВП, но и создавать условия для дальнейшего развития. Обычно правительства всех уровней, даже готовые поддерживать такие проекты, полагают, что инициировать и разрабатывать их должны корпорации, а задачей администраторов может быть лишь отбор наиболее эффективных проектов для поддержки. Когда же оказывается, что поток недостаточен, они просто разводят руками.

Между тем, в условиях слабо развитой институциональной среды рынок сам по себе не справляется с задачей генерации крупных эффективных проектов. Связано это, прежде всего, с высокой неопределенностью, порождаемой как сильной вариативностью рыночной обстановки – колебаниями цен и валютных курсов, условий кредитования, нестабильностью спроса, – так и с непредсказуемостью поведения государства и партнеров. Недоверие сочетается с низким уровнем договороспособности, коренящимся не только в указанных объективных обстоятельствах, но и в несовершенстве деловой культуры. Фактор недоверия играет особую роль на стыках отраслей, когда, например, отрасль А готова производить новый продукт, если будут гарантии, что она получит необходимое оборудование по приемлемым ценам, а отрасль В готова производить такое оборудование, но ей нужна уверенность в наличии на него спроса. Чтобы оба проекта реализовались, нужен посредник, который взял бы на себя часть риска. Важно подчеркнуть, что высокие риски не просто препятствуют реализации эффективных проектов, они предотвращают их инициацию: проект оказывается вне обсуждаемого перечня. Еще одно стандартное препятствие – недостаток информации о перспективных технологиях, вызванный как низким уровнем человеческого капитала, так и объективными трудностями ее получения и обработки.

Для преодоления этих трудностей вся институциональная система страны должна быть ориентирована соответствующим образом. Имеет смысл, однако, выделить институциональные подсистемы, которые напрямую ответственны за формирование крупномасштабных проектов модернизации; их я называю институтами промышленной политики. Понятию «промышленная политика» здесь придается максимально широкий смысл: под «промышленной» понимается любая политика, направленная на совершенствование технологий или изменение межсекторных (межотраслевых) пропорций для ускорения экономического роста. Под такое определение подпадают в

некоторой своей части практически все виды политики: и кредитно-денежная, и внешнеторговая, и даже социальная. Таким образом, речь идет, скорее не о классификации видов политики, а о рассмотрении их под определенным углом зрения. При этом целесообразно выделить «институциональное ядро» промышленной политики – подсистемы институтов, непосредственно ответственные за инициацию, разработку, отбор и реализацию крупномасштабных проектов. К ним относятся система научных исследований и разработок, национальная инновационная система (НИС), система национального планирования (СНП) и система финансирования крупномасштабных проектов. Мое видение роли, структуры и направлений реформирования этих систем представлено в ряде работ (см. ссылки в Полтерович, 2014). Задача настоящей заметки – наметить контуры формирования СНП в России. (п. 5). Мои предложения будут опираться на накопленный мировой опыт национального планирования, краткому обсуждению которого посвящен п. 3, и на анализ имеющегося в России «задела» (п. 4).

3. Эволюция национального планирования за рубежом

Каждая из существующих ныне в разных странах систем национального планирования представляет собой тот или иной вариант синтеза двух базовых механизмов: универсального и программного планирования. Первое нацелено на ускоренное сбалансированное развитие отраслей и регионов за счет широкомасштабных инвестиционных проектов; оно требует формирования иерархии специализированных институтов планирования. Второе использует для стимулирования развития относительно небольшое число программ, направленных на решение ключевых народнохозяйственных проблем; программы разрабатываются и реализуются министерствами и ведомствами, осуществляющими также текущее управление. Национальное планирование в развивающихся странах тяготеет к первому типу, а в развитых – ко второму.

Универсальное планирование может быть централизованным и индикативным. Современное программное планирование обычно реализуется в форме программно – целевого бюджетирования.

Централизованное планирование в национальном масштабе зародилось в СССР в двадцатых годах прошлого века; индикативное планирование сформировалось после Второй мировой войны во Франции, а затем в Японии; примерно в то же время в США стали применять программно-целевое бюджетирование. При переходе к рыночной экономике Китай в отличие от России не демонтировал систему централизованного планирования, а постепенно трансформировал ее. Сокращались масштабы прямого

государственного вмешательства, все больше функций делегировалось на уровень предприятий и отраслей. Планирование должно было не подменять рынок, а помогать ему, учитывая естественные рыночные тенденции и корректируя провалы рынка. Однако координирующая роль основного планового органа, менявшего названия в процессе ряда реорганизаций, до самого последнего времени в целом усиливалась за счет новых сфер ответственности (Heilmann, Melton, 2013).

Структура Национальной комиссии по развитию и реформам (NDRC) и описание задач ее подразделений (см. <http://en.ndrc.gov.cn/>) явственно демонстрируют, что эту организацию недаром называют главным министерством или даже мини-правительством (Martin, 2014). Она разрабатывает кратко-, средне- и долгосрочные планы как на национальном, так и на региональном и отраслевом уровнях, обеспечивая их согласованность, координирует и во многом формирует все направления социально-экономического регулирования, включая промышленную, внешнеторговую, антимонопольную, макроэкономическую, природоохранную и социальную политику. NDRC устанавливает регулируемые цены, осуществляет надзор за инвестиционной деятельностью, инициирует и отбирает проекты, поддерживаемые государством. Кроме того, Комиссия разрабатывает проекты реформ и фактически координирует работу национальной инновационной системы.

Со временем уменьшалась роль Комиссии как управляющего органа и расширялись ее функции в сферах прогнозирования, анализа, надзора и проектирования. Этот процесс продолжается (Martin, 2014).

Благодаря разумной степени агрегации плановых показателей китайская модель планирования оставляла значительное пространство для принятия решений на местах. Как утверждает в Ху (2011), этот фактор имел важнейшее значение для успеха китайской политики. В статье Heilmann, Melton (2013) обращается внимание на две отличительные черты китайского планирования: встроенное в план экспериментирование, помогающее осуществлять его коррекцию, и кадровая политика, базирующаяся на мониторингах выполнения важнейших плановых показателей. Подчеркивается также широкое участие исследовательских институтов в разработке последних планов, а также неправительственных организаций – в их обсуждениях.

При реализации крупных проектов в Китае широко используются механизмы частного-государственного партнерства (Андрюшкевич, 2012).

Впервые индикативное планирование было внедрено в национальном масштабе во Франции. В 1946 г. Генеральный комиссариат по планированию при Правительстве Франции возглавил разработку пятилетних планов, включавших широкий спектр

экономических индикаторов. Чтобы стимулировать их выполнение, использовались различные инструменты промышленной политики. В результате послевоенной национализации Франция имела значительный государственный сектор, от которого можно было требовать выполнения планов. Первые планы в основном выполнялись и перевыполнялись, но с 1970-х годов достигаемые показатели стали сильно отставать от запланированных. К этому времени Франция уже решила задачу догоняющего развития, став одной из самых богатых стран Европы, обогнав Великобританию по уровню душевого ВВП. Универсальное планирование не соответствовало новой стадии развития. Кроме того, оно было слабо связано с бюджетным процессом. Вследствие этого, а также из-за кризиса, вызванного повышением нефтяных цен, рос национальный долг. Задача его снижения за счет рационального бюджетирования вышла на первый план особенно при подготовке к заключению Маастрихтского договора, потребовавшего, чтобы долг не превосходил 3% ВВП.

Эволюция планирования шла по четырем направлениям: 1) сокращалось число планируемых показателей; 2) региональное планирование все в большей мере становилось функцией территориальных органов; 3) расширялся горизонт планирования; 4) возрастала роль бюджетирования.

В середине 90-х годов было понято, что снижение координирующей роли государства, имевшее место в 80-е годы, препятствует стабилизации долга и решению проблем инновационного развития. На первый план вышла задача интеграции индикативного планирования и бюджетирования. В 2001 г. во Франции законодательно вводится трехлетний бюджет, подлежащий пересмотру каждые два года. В его задачи входит оценка и финансирование программ, направленных на решение тех или иных задач развития, согласованных с долгосрочными целями. Разновидностью таких программ можно считать создание кластеров конкурентоспособности, десятки которых были созданы в 2000-е годы. Их задача – стимулировать инновационное развитие. Постепенно формируется национальная система планирования, основанная на системе программно-целевых бюджетов (Martin et al, 2011; Андриюшкевич, 2012; Хрусталеv, Тищенко, Соколов, 2013).

Однако задача стыковки планирования и бюджетирования остается пока нерешенной, так что возникают даже сомнения в эффективности программного бюджетирования в его нынешних вариантах (детальный анализ см. в Schick, 2013).

Анализ современных систем программного планирования позволяет выявить их принципиальные отличия от классических универсальных систем. Структурно первые представляют собой графы-деревья с однонаправленным потоком информации от целей

высшего уровня к задачам административных единиц, ответственных за разработку и реализацию программ (Хрусталеv, Тищенко, Соколов, 2013, с. 10). Обратная связь возникает лишь на этапе их мониторинга. Универсальное планирование предполагает непосредственное участие производственных единиц в процессах формирования проектов и многократный итеративный процесс взаимной корректировки целей и проектов.

Соответственно, смешанная система должна, вообще говоря, иметь структуру универсальной, но сверх того предусматривать итеративное согласование целей, проектов и программ с бюджетными возможностями. При этом в формировании проектов и программ должна быть задействована национальная инновационная система, которая, таким образом, оказывается неразрывно связанной с системой национального планирования. Именно по этому пути идет КНР (см. Heilmann, Melton, 2013). Аналогичные принципы целесообразно использовать и в России (см. раздел 5).

Говоря о современных технических средствах планирования и прогнозирования, следует упомянуть матрицы социальных счетов, пришедшие на смену матрицам межотраслевого баланса, содержащим менее обширную информацию (см., например, Михеева, 2011). Матрицы социальных счетов находят, в частности, применение в рамках вычислимых моделей общего равновесия, обычно используемых для анализа качественных изменений в результате институциональных реформ или технического прогресса (см., например, Jakab, Lukuantsau, Wang, 2015). Наиболее надежный инструмент при разработке прогнозов - народнохозяйственные макроэкономические (эконометрические) модели. Однако для их успешного применения требуются специалисты высокой квалификации и достаточно надежная информационная система. Наконец, широко используются методы экспертного планирования, оценивания и прогнозирования, такие как сетевое планирование, дорожные карты, Форсайт, и т. п.

4. Планирование и бюджетирование в России

Началом формирования системы планирования в России можно считать принятие Федерального закона от 20 июля 1995 г. №115-ФЗ "О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации". В 2001, 2003 и 2006 гг. были разработаны трехлетние программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу. Элементы территориального планирования введены Градостроительным кодексом РФ в конце 2004 г. В 2008 г. была утверждена Концепция долгосрочного социально – экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. В мае 2009 г. подписан указ Президента «Об основах

стратегического планирования в Российской Федерации». С 2008 г. работа по составлению стратегий развития активизировалась. Они были написаны в ряде территориальных округов и субъектов РФ. В Татарстане в законодательном порядке, а в Самарской области - губернаторским постановлением введено индикативное планирование и даже отмечены его позитивные результаты. Однако, как правило, принятые планы не были состыкованы ни друг с другом, ни с разработанными прогнозами (Смирнова, 2011) и, насколько мне известно, не сопоставлялись с достигнутыми показателями.

Попытка преодоления «хаоса планов» была сделана в июле 2014 г., когда вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации". Он предусматривает разработку стратегий социально-экономического развития Российской Федерации каждые шесть лет, горизонт планирования не определен. Стратегия должна содержать основные приоритеты регионального развития, обоснования необходимых реформ и программ. Стратегия опирается на прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период (12 лет и более), который должен разрабатываться каждые 6 лет с учетом прогноза научно-технологического развития Российской Федерации и стратегического прогноза. Кроме того, закон предусматривает разработку стратегий национальной безопасности РФ, бюджетных прогнозов РФ на долгосрочный период, основных направлений деятельности Правительства РФ (на 6 лет), государственных программ РФ, стратегий пространственного развития Российской Федерации, схем территориального планирования Российской Федерации, стратегий социально-экономического развития макрорегионов, субъектов РФ и муниципальных образований, отраслевых стратегий и планов деятельности отраслевых министерств. Предусмотрены прогнозы на среднесрочный период (от 3 до 6 лет) на уровне страны, макрорегионов и субъектов РФ. Должна быть создана информационная система стратегического планирования. Ее формирование планируется завершить к началу 2017 г.

Таким образом, закон вводит элементы скользящего планирования. Очень важно, что он предусматривает вовлечение в процесс стратегического планирования граждан и хозяйствующих субъектов, объединений профсоюзов и работодателей, общественных и научных организаций (статьи 8, 11).

Вместе с тем, архитектура описанной в законе системы не выглядит обоснованной. Закон подразделяет документы стратегического планирования на разрабатываемые « в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования на федеральном уровне, на уровне субъектов Российской Федерации и на уровне

муниципальных образований» (статья 11). Эта классификация содержит 15 типов документов федерального уровня, 7 типов, относящихся к субъектам РФ, и 5 рубрик муниципального уровня. По решению Президента или Правительства отраслевые документы «могут содержать... план мероприятий на среднесрочный период» (статья 19, п.8). В отношении планов мероприятий субъектов РФ закон более конкретен и требует рассмотрения трехгодичного и среднесрочного (3-6 лет) горизонта. Правда, по неясной причине трехлетние планы предусмотрены только « для первого этапа реализации стратегии и текущего периода бюджетного планирования» (статья 36, п. 3).

Обилие документов с неясным соподчинением создает впечатление избыточности. Единая методология составления стратегий и прогнозов отсутствует. Понятие краткосрочного плана и прогноза в документе не вводится; на федеральном уровне предусмотрены среднесрочные прогнозы, но не планы. Установлено подчинение документов «сверху вниз» в соответствии с управленческой иерархией. Очевидно, однако, что процесс их формирования должен носить итеративный характер, чтобы стратегии федерального уровня учитывали цели и возможности отраслей и регионов. Не ясно, что имеет в виду законодатель, упоминая «федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития». Остается некоторая надежда на исправление недостатков закона, поскольку еще должен быть (до 1 января 2016 г.) определен «порядок разработки и корректировки документов стратегического планирования» (статья 47).

К закону о стратегическом планировании примыкает Федеральный закон N 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», вступивший в силу в январе 2015 года.

Одновременно с формированием системы планирования универсального типа в России идет и другой процесс, слабо связанный с первым: создается система программно-целевого бюджетирования. В 2007 г. горизонт бюджетирования увеличился с одного до трех лет, был принят бюджет на 2008-2010 гг. Принят целый ряд документов, регламентирующих составление и оценку государственных программ, создается информационно – управленческая система «Электронный бюджет» (Хрусталева, Тищенко, Соколов, 2013, с. 49-78).

Вместе с тем, рассмотрение ежегодных законов о бюджете приводит к заключению, что расширение горизонта бюджетирования практически не изменило методологию его составления, добавилось лишь несколько ключевых цифр, относящихся к двум последующим годам. Однако Минфин не дает каких-либо обоснований предлагаемого

бюджетом распределения средств между статьями. Видимо, возможные варианты распределения не оцениваются разработчиками. Соответственно, нет оснований утверждать, что выбранный вариант эффективен.

5. Контуры будущей системы национального планирования

В соответствии с выводами, полученными в разделе 3, России предстоит завершить формирование смешанной системы, интегрирующей планирование, бюджетирование и НИЦ. Только тогда станет возможным запустить многоуровневый итеративный процесс инициации и разработки проектов, сбора информации, ее анализа, формулирования планируемой политики, ее реализации, оценки, пересмотра и согласования с бюджетом. Для этого необходима сложная иерархически организованная система институтов, которую должно возглавлять специальное агентство, подчиненное непосредственно Председателю Правительства. Назовем его Федеральным агентством развития (ФАР). В качестве региональных отделений ФАР можно использовать уже существующие в большинстве регионов агентства развития (РАР), реорганизовав их подходящим образом. РАР, таким образом, окажутся одновременно подчиненными и ФАР, и региональным администрациям.

На первом этапе задачей ФАР могло бы стать совершенствование скользящего трехлетнего программно-целевого бюджетирования, реализуемого совместно с Минфином и предусматривающего ежегодную корректировку трехлетнего бюджета. Важным продвижением могло бы стать обоснование предлагаемого распределения средств между статьями на основе сопоставления нескольких вариантов (см. Schick, 2013, p. 16). Одновременно необходимо создавать информационную систему национального планирования (ИСНП), наладить разработку и обновление общероссийской и региональных матриц социальных счетов. Эта задача требует специальной программы, предусматривающей взаимодействие системы Росстата и академических институтов.

Централизация информации должна сочетаться с децентрализацией планирования и расширения полномочий регионов и муниципалитетов.

Разработка инструментов планирования (см. раздел 3) могла бы стать предметом еще одной важной государственной программы. В перспективе следовало бы перейти от сценарных планов–траекторий к динамическим планам–инструкциям, заранее предусматривающим корректировку политики при возникновении непредвиденных обстоятельств.

Еще одна задача первого этапа – формирование потока проектов и программ модернизации народного хозяйства. Здесь в качестве основных акторов наряду с отраслевыми министерствами могли бы выступить отраслевые ассоциации бизнеса. За счет их членов (при небольшой поддержке государства) могли бы финансироваться разработки проектов модернизации отраслей. Госкорпорации могли бы играть важную роль в этих процессах.

Современные методики оценки проектов и программ, их открытые обсуждения должны затруднить принятие дорогих проектов, обслуживающих лишь краткосрочные политические интересы.

По мере формирования СНП будут создаваться возможности для постепенного расширения горизонта планирования до шестилетнего периода с последующим согласованием средне- и долгосрочных планов в скользящем режиме. Прогнозирование, как и бюджетирование, должно стать органической частью СНП.

Целесообразно (по примеру Китая) возложить на ФАР ответственность за разработку и проведение институциональных реформ, поскольку без учета процессов реформирования вряд ли возможны и адекватное целеполагание, и составление реализуемых планов.

6. Заключение

Несмотря на горький опыт, методология шоковой терапии все еще доминирует в российском экспертном и политическом пространстве как на правом, так и на левом флангах идеологического спектра. Впрочем, отличить здесь правое от левого не всегда просто. Будто бы либеральные идеи пытаются реализовать путем жесткого, насаждаемого сверху прямолинейного заимствования западных институтов при полном игнорировании интересов тех, кого касаются подобные преобразования. Реформа РАН является ярким примером. Не удивительно, что ее начальная идея – скопировать американскую систему управления наукой – уже признана неудачной, и теперь предлагается столь же прямолинейная стратегия заимствования немецкой системы. Более завуалированный вариант шокового подхода состоит в утверждении, что никакая стратегия модернизации не имеет шансов на успех до тех пор, пока не изжита коррупция, не обеспечены права собственности, не создана конкурентная среда, etc. Здесь неявно предполагается, что для достижения этих целей не требуется серьезных изменений массовой культуры, а достаточно лишь усилий центральной власти. Однако фактически инициация догоняющего развития в странах, добившихся успеха, осуществлялась за счет

специальных институтов, а улучшение институционального климата в указанном выше смысле происходило постепенно, во многом благодаря быстрому росту.

К числу институтов, необходимых для инициации и поддержания высоких темпов развития, несомненно, принадлежит система национального планирования, скоординированная с НИС и со всем спектром государственных механизмов регулирования. Выше я попытался показать, что формирование такой системы уже фактически происходит, и это дает надежду на успех. Чтобы завершить этот процесс, нужно, прежде всего, отбросить идеологические аргументы против планирования типа «это похоже на Госплан». На самом деле это «похоже» на попытку преодолеть разрыв между Россией и Западом.

ЛИТЕРАТУРА

Андрюшкевич О. А. (2012). Национальное планирование в экономиках разного типа. Капитал страны. Федеральное интернет-издание. <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/199716/#a1>

Н.Н. Михеева (2011). Матрицы социальных счетов: направления и ограничения использования. *ЭКО*, № 06. С. 103-118.

О промышленной политике в Российской Федерации (2015). Федеральный закон Российской Федерации от 31 декабря 2014 г. N 488-ФЗ. <http://www.rg.ru/2015/01/12/promyshlennost-dok.html>

О стратегическом планировании в Российской Федерации (2014). Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ.

<http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>

Полтерович В.М. (2014). Куда идти: двадцать четыре тезиса. *Экономическая наука современной России*, №3 (66). С. 7-16.

Полтерович В., Попов В., Тонис А. (2007). Экономическая политика, качество институтов и механизмы ресурсного проклятия. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ. 100 с.

Хрусталеv А.А., Тищенко Т.В., Соколов И.А. (2013). Исследование влияния программного целевого подхода на бюджетный процесс, пути совершенствования методологии и информационной системы формирования бюджета, ориентированного на результат. М: РАНХиГС, 93 с.

Development of Modern Budgeting (1998). California Department of Finance. <http://www.dof.ca.gov/fisa/bag/history.htm>

Eichengreen B., D. Park, K. Shin (2013). Growth Slowdowns Redux: New Evidence on the Middle-Income Trap. *Working Paper 18673. National Bureau of Economic Research. Cambridge, MA.*

Jakab Z., Lukyantsau P., Wang Sh.(2015). A Global Projection Model for Euro Area Large Economies. *IMF Working Paper WP/15/50. 31 pp.*

Heilmann S., O. Melton (2013). The Reinvention of Development Planning in China, 1993–2012. *Modern China*, XX(X), 1–49.

Martin E., Tytell I., Yakadina I.(2011). France: Lessons from Past Fiscal Consolidation Plans. *IMF Working Paper WP/11/89*. 26 pp.

Martin P. (2014). The Humbling of the NDRC. China's National Development and Reform Commission Searches for a New Role Amid Restructuring. *China Brief. Volume XIV, Issue 5, March 7*. 14-18.

Schick A. (2013). The metamorphoses of performance budgeting. Paris: OECD. 32 pp.

[http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=GOV/PGC/SBO\(2013\)5&doclanguage=en](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=GOV/PGC/SBO(2013)5&doclanguage=en)

Xu Ch. (2011). The Fundamental Institutions of China's Reforms and Development. *Journal of Economic Literature*, 49:4, 1076–1151.